

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В АСПЕКТЕ КОНВЕРГЕНЦИИ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Людмила Грудцына*
Александр Галушкин**

Существование и развитие гражданского общества немислимо вне сложной системы общественных отношений, и без участия (прямого или опосредованного) государства, в частности, посредством издания и применения норм частного и публичного права. Многие публично-правовые нормы и функции публичного права в целом в значительной мере направлены на защиту частных интересов. С другой стороны, любая правовая норма, устанавливающая частноправовые основы каких-либо общественных отношений, по сути и природе своей является публичной, хотя бы потому, что, во-первых, санкционируется государством и становится частью национального законодательства, во-вторых, не может противоречить и угрожать самой государственной системе и природе государственного управления.

На первый взгляд, развитие гражданского общества происходит исключительно в рамках частных интересов, но участие публичной власти и распространение публичных норм на частноправовую сферу (пусть, и опосредованным образом), нельзя подвергать сомнению [6. С. 217-225]. Как верно отметил Н.М. Коршунов, «частные и публичные интересы очень часто совпадают, и это делает их использование в качестве надежного критерия разграничения частного и публичного права весьма затруднительным» [11. С. 24].

По мнению В.И. Иванова, отношения людей в любом обществе (группе людей) складываются на историческом фоне его развития и определяются психологическими, политическими, культурными, конфессиональными, экономическими и многими

иными факторами [9. С. 48-49]. И.А. Покровский писал: «...очевидно, что вопрос о замене нынешней частноправовой организации хозяйства организацией социалистической есть вопрос не только экономический; он сталкивается с вопросом о пределах государственной власти над индивидом, с давним спором между личностью и государством о признании за первой известных «неотъемлемых прав» и о способах их гарантии...» [16. С. 48].

Следует отметить, что многие публично-правовые нормы, да и функции публичного права в целом в значительной мере направлены на защиту частных интересов [17. С. 255].

Более того, частноправовые и публично-правовые начала реализуются в тесной взаимосвязи с социально-экономическими

* Грудцына Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН, Почетный адвокат России

** Галушкин Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент международного уровня кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов, научный сотрудник Московского городского психолого-педагогического университета

и культурными отношениями в конкретный исторический отрезок времени, не могут быть оторванными от них, а потому – во многом логика их развития зависима от экономической ситуации, которая диктует, в частности, векторы развития права и законодательства, а также судебного правоприменения и толкования законов.

Особую роль в формировании и развитии институтов гражданского общества следует уделить информации. Информация и общество, как правило, неотделимы друг от друга по своей природе и онтологии. Познание человеком окружающего мира и самого себя происходит по мере восприятия объективной реальности и понимания ее роли в жизни, и так до постановки задачи о раскрытии понятий и смыслов этих двух составляющих социума.

Общество суть совокупность людей, организованных территорией расселения, языком, без которого нет связи и взаимопонимания, первоначальным родством, кровнородственными связями, а позже и властью. И поскольку язык это форма информационной коммуникации, то стоит признать, что сама природа человека и общества основана на информационной платформе общения. Мы все глубже осознаем, что и сам человек и все живое могут жить только благодаря информации, реализуемой природой через определенные пропорции и взаимозависимость материи. Информацией измеренные пропорции являют нам человека с определенным запасом знаний или способностью их создавать. В этом смысле информация как бы и первична.

Однако взросление индивида приводит его к пониманию, что носители информации, ее формы и виды многообразны и составляют сферу, его окружающую; что накопленную информацию можно осознавать и познавать как среду, отделенную от него. Накопителем становится сам человек, а носителями – все, что вокруг. Но проходит немалое время до тех пор, пока человек, как герой Мольера осознает, что он говорит.

В понимании факторов, оказывающих влияние на развитие гражданского общества, следует учитывать не только конкретную историческую эпоху, но и предшествовавшее ей историческое развитие государства и общества. Кроме того, как верно указывал П.И. Новгородцев, необходимо помнить о различии практики и теории при сближении их друг с другом. Не всегда бывает возможно охарактеризовать практические отношения на основании теоретических идеалов, как

невозможно и сводить все содержание этих идеалов к ближайшим практическим нуждам [14. С. 330-351].

Важной задачей, одновременно стоящей перед государством и обществом конкретной страны, является устранение «треугольника недоверия»: у государства – к обществу и бизнесу, у бизнеса – к государству и обществу, у общества – к государству и бизнесу.

Экономические и культурные отношения, регулируемые правом, не принадлежат исключительно ни к одной из его областей и составляют общий предмет как публичного, так и частного права. Также несостоятельно разграничение права на частное и публичное при помощи интереса или характера общественных отношений, которые не составляют ни элементов правовой нормы, ни содержания субъективного права.

По мнению Н.М. Коршунова, «следует говорить о... формах сочетания публично-правового и частноправового регулирования общественных отношений, о конкретных границах публичного и частного права». Но как определить эти «конкретные» границы? И так ли уж необходимо их точное определение?

Ведь государство – многогранное явление, охватывающее не только сферу публичных интересов, но и «проникающее» во все пласты общественной жизни индивида. Например, жизнь гражданина в России будет отличаться от жизни местного населения в Германии, и разница будет не только в общественном укладе, мировоззрении, традициях, национальной идеологии, но и в сущности и модели существующих в странах политической и правовой систем.

Например, С.С. Алексеев пишет о том, что развитие правовых систем идет в основном в одном направлении: происходит взаимное обогащение права и в конечном счете своеобразная интеграция в праве, при которой правовые системы соединяются в целостные правовые образования, юридические конструкции [1. С. 114]. Такая конвергенция, отражающая закономерность развития национальных правовых систем, не ведет к нивелированию методов правового регулирования, поскольку никакого растворения частного права в публичном праве и наоборот, не происходит.

Вспомним Гегеля, у которого государство – многоплановое явление, охватывающее различные сферы человеческой жизни, а не только аппаратно-управленческую и политическую. Индивид, с одной стороны, вообще не может существовать вне государ-

ства, а с другой – обретение индивидом человеческого (нравственного) облика и объективация его как гражданина (в частности, законодательное наделение правами) возможны только в государстве [2. С. 35-36]. Соответственно, на наш взгляд, само наделение государством – с помощью принятия соответствующих законов – индивида правами и свободами, а также обязанностями уже является актом проявления публично-правовых начал, что не исключает, в то же время, частноправовой характер самих прав и свобод, которыми индивид наделяется.

Стоит отметить, что Гегель разделял три власти (не совпадающие с теорией разделения властей Монтескье): законодательную, правительственную (куда включал исполнительную и судебную власти в их современном понимании) и власть государя (верховную). «Этот организм есть политический строй: он вечно исходит из государства, так же как государство сохраняется благодаря ему... Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все».

Очевидно, что понятие государства для Гегеля шире понятий политической власти и государственного аппарата (политический строй). Из этого следует важный методологический вывод: при исследовании вопроса о соотношении категории «государство» с иными научными категориями, в том числе с категорией «гражданское общество», желательно, во избежание двусмысленностей, в каждом конкретном случае расшифровывать понимание термина «государство».

Вернемся к гражданскому обществу. Человек и общество неотделимы от информации. Это такая же среда жизни и обитания как вода, воздух, земля. Особенность информации в том, что она неосознаема как иная среда жизни. Чтобы понять реальную информацию, она должна быть осознана человеком как виртуальная. Человек стал понимать свою способность мыслить, думать, высказывать свои суждения, а позже мнения, с момента понимания своей способности сознать, оценивать, накапливать знания, т.е. отделять, выделять информацию как объект наблюдения и свой ресурс. Наступает эпоха разделения реального и виртуального в источниках, носителях и процессах познаваемости мира и самого «homo».

Именно через институты гражданского общества и их информационный статус подтверждается установка, что общество – источник силы государственной власти и

одновременно индикатор уровня его эффективности и состояния. Общество может искать пути действовать и жить как слаженный организм. Такая модель гражданского информационного общества не позволит государственной власти и иным структурам публичной власти утратить свою самостоятельность и «собственное содержание».

На XI форуме «Петербургский диалог» в июле 2011 г. прозвучал вопрос о мотивах связи и зависимости развития гражданского общества и государства (читай – системы государственной власти). Речь о совпадающих интересах и необходимости поиска общих приоритетов. Меняется не только соотношение ролей – граждан, общества и государства, одновременно трансформируются институты и смыслы государства, общества и граждан независимо от субъективных устремлений каждого из этих феноменов.

Задача юристов в этой ситуации – сосредоточить внимание на проблемах оздоровления и действенности организационных и правовых институтов в условиях смены парадигм развития. Ни революционные рывки (любого плана), ни движение с «головой, повернутой назад» не могут дать позитивного результата. Стоит задача уяснения смысла таких концептов как «гражданское общество», «государственность», «управление», «организация», «самоуправление», «общественное мнение», «общественное сознание», определяющих развитие современного социума в целом.

Процесс расширения фронта гражданского общества выдвигает на *первый план вопросы о месте и роли органов государственной власти и органов местного самоуправления в силу того, что аккумуляция энергии многих институтов гражданского общества обращена, прежде всего, к государственным структурам и ресурсам и качеству их использования*. По большому счету информатизация захватывает все институты государственной власти: представительную и законодательную власть; исполнительную власть и власть судебную, если придерживаться такого традиционного моделирования системы власти. Это система управления делами общества и государства в широком смысле. Чаще всего, термин «управление» относят к системе деятельности органов исполнительной власти.

Как ни определять гражданское общество, но суть его в том, что это показатель состояния общества в его целостности и взаимодействия всех его составляющих. Оценкой эффективности этого феномена является показатель активности, готовности граждан

быть сознательными строителями и полноценными пользователями благ своей деятельности, своей жизни. Рассмотрение связи гражданского общества с гражданами в рамках отдельного государства в первом десятилетии XXI в. неизбежно приводит к широкому пониманию этого феномена (1). События не только Европы, но и всех стран мира подтверждают, что в условиях глобализации, развития информационного общества на основе мирового сетевого пространства общество обретает все более четкую окраску «гражданского». Кризисы начала века, поиск путей их преодоления усиливают, с одной стороны, обращение к институтам государственной власти, а с другой - демонстрируют неуставные, неконституционные формы проявления воли населения, вплоть до волны революций и бунтов. Люди требуют такого общества, которое является информационным, гражданским, социальным, демократическим, правовым.

Отмечая, что дихотомическая модель «государство - общество» все еще используется «некоторыми марксистами, а в особенности неолибералами, неоконсерваторами и сегодняшними наследниками утопического социализма», Дж. Коэн и Э. Арато подчеркивают, что фундаментальным положением их концепции является превосходство трехчастной схемы гражданского общества.

Но авторы усложняют трехчастную модель. По их мнению, необходимо отличать гражданское общество от политического общества, являющегося сферой жизни партий, иных политических организаций и органов публичной политики (в частности, парламентов), а также от экономического общества, состоящего из организаций, занятых производством и распределением товаров и услуг.

Актеры, или, иначе говоря, субъекты политического и экономического обществ, являются непосредственными участниками осуществления государственной власти и экономического производства, задача их — контролировать соответствующую сферу, управлять ею. Они не могут себе позволить поставить стратегические и инструментальные критерии в зависимости от характерных для гражданского общества нормативной (ценностно-ориентированной) интеграции и открытой коммуникации. Даже в своем парламентском воплощении публичная сфера политического общества предполагает наличие важных формальных и временных ограничений, налагаемых на процесс коммуникации. Эти временные ограниче-

ния отсутствуют в гражданском обществе [8. С. 22-30].

В свою очередь, политическая часть гражданского общества непосредственно связана не с контролем или захватом власти, а с влиянием, проводником которого являются демократические ассоциации и свободная дискуссия в интеллектуальных кругах. Правда, подобная роль неизбежно сопряжена с расплывчатостью и неэффективностью воздействия.

Таким образом, Дж. Коэн и Э. Арато предлагают пятичастную модель:

политическое общество – государство – гражданское общество

экономическое общество – экономика – гражданское общество

По мнению Дж. Коэна и Э. Арато, политическое и экономическое общества выступают здесь в качестве сфер-посредников, через которые гражданское общество призвано влиять на политико-административные и экономические процессы. При этом авторы предостерегают от противопоставления гражданского общества государству и экономике. Антагонистическими эти отношения становятся лишь тогда, когда институты экономического и политического обществ начинают изолировать процессы принятия решений и тех, кто эти решения принимает, от воздействия со стороны социальных организаций, инициатив и публичного обсуждения.

Целью поддерживаемого государством гражданского мира является защита государством отдельного гражданина. Гражданин - это «естественная» единица или атом (хотя даже в условиях гражданства имеется определенный «конвенциональный» элемент). С другой стороны, членами или единицами (атомами) нашего международного порядка являются государства. Однако государство в принципе не может быть таким же «естественным» элементом, как гражданин: ведь не существует естественных границ государства, они меняются, и могут быть определены только посредством применения международного принципа *status quo*, а поскольку этот принцип всегда указывает на некоторую произвольно выбранную дату, то определение границ государства — чисто конвенциональная процедура.

Отдельного рассмотрения требует учение Т. Парсонса о «социальной системе», под которым понимается общество, находящееся в «равновесии». Возможны небольшие колебания, но обычно общество пребывает в состоянии покоя. Все его части гармонично

сочетаются друг с другом. Принадлежащие обществу индивиды обычно ориентируются на одни и те же нормы благодаря одинаковой для всех социализации. Они интегрированы в систему, следуют единым ценностям, без труда исполняют предписанные им роли. В нормальном состоянии конфликты между ними отсутствуют; изменения системы подобны помехам в работе отлаженного механизма [5].

Короче говоря, образ общества, получивший свое теоретическое выражение в понятии социальной системы, по мнению Н. Элиаса, при ближайшем рассмотрении оказывается идеальным образом нации [18. С. 38].

Об экономической необходимости, «всегда прокладывающей себе путь» [10. С. 98], писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т.д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу» [13. С. 470].

Как отмечал немецкий философ-марксист Г. Клаус, столь высоко организованная динамическая система, какой является всегда в соответствии с государством организованная на основе определенных производственных отношений общественная система, способна сохранять относительно устойчивое состояние в течение продолжительного времени только благодаря тому, что связанные друг с другом частичные системы также обладают относительной самостоятельностью [10. С. 98].

В.А. Энгельгардт полагал, что можно говорить о трех моментах, характеризующих взаимоотношения целого и части. Во-первых, это – возникновение системы связей между частями целого. Во-вторых, утрата некоторых свойств части при вхождении в состав целого. В-третьих, появление у возникающей новой целостности новых свойств, обусловленных как свойствами основных частей, так и возникновением новых связей между частями. К этому нужно добавить еще упорядоченность частей, обусловленность их пространственного и функционального взаимоотношения [19. С. 108].

Заметим еще одну особенность в развитии институтов гражданского общества, объясняемую историей формирования отношений общества и системы власти, на которую в свое время обращал внимание Н.М. Коркунов. «Развитие государственной жизни само собой приводит к тому, что осуществление

государственной власти получает правомерный характер. Но это может совершиться двумя путями, в двух различных формах». В одном случае государственной власти противопоставлены интересы субъективного характера отдельных сословий или территорий, и тогда отношение власти и общества оформляется на условиях соглашений различных субъективных прав и получает как бы договорный характер [7. С. 82].

Если отношения строятся на базе объективного права, - не «чужое право, а норма, закон, тогда власть окажется во всей своей полноте в руках монарха и в основании государственного строя окажется не субъективное начало договора, а объективное – Закона». И такая форма отношений исторически складывалась в России XVIII-XX веков. Конечно, с тех пор произошло много исторических перемен, но, быть может, эти различия и сегодня являются причиной плохой совместимости методологий Запада и современной России. Запад стремится научить современную Россию сделать «как мы», а в практике российского общества только сейчас развивается культура согласования объективного и субъективного начал в управлении и праве. Это прослеживается, к примеру, в сфере социального развития как со стороны органов власти, так и со стороны общества в целом, а главное, пробуждает активность самих граждан и их ассоциаций.

По мере возрастания целостности увеличивается и относительная независимость организма от среды, что связано с возникновением механизмов, позволяющих восстанавливать нарушение функций, вызванное изменениями в среде, сохранять в пределах нормы определенные, присущие организму параметры [3. С. 158].

Понятие «обратной связи», такое простое и естественное в некоторых элементарных случаях, становится искусственным и малополезным, когда взаимосвязь частей становится более сложной. При этом, если число частей возрастает хотя бы до четырех и каждая часть воздействует на три остальные части, то через них можно провести двадцать замкнутых петель, однако знание свойств всех этих двадцати петель не дает полной информации о системе. Такие сложные системы не могут рассматриваться как переплетающееся множество более или менее независимых петель обратной связи – их можно рассматривать лишь как целое [20. С. 83-84].

Все принадлежащие к системе люди (в силу одинаковой социализации) следуют

одинаковым нормам, стремятся к тем же самым ценностям, обычно хорошо интегрируются в систему и пребывают в гармоничных отношениях друг с другом. В такого рода «социальной системе» мы имеем образ нации как сообщества, но выраженный иначе. В качестве чего-то само собой разумеющегося здесь предполагается, что внутри такой системы существует высокая степень равенства: ведь интегрированность всей системы покоится на одинаковой социализации, на единстве ценностей и норм.

Таким образом, подобная «система» представляет собой понятийную конструкцию, абстрагированную от демократически понимаемого национального государства. С какой бы стороны мы ни смотрели на эту конструкцию, мы всякий раз обнаруживаем, что в ней стерты различия между тем, чем действительно является нация, и тем, какой она должна была бы быть. По мнению Н. Элиаса, в моделях развития XIX в. происходило смешение фактических наблюдений с принимаемым за реальность желательным вариантом развития к будущему, с социальным прогрессом, понимаемым с позиций того или иного идеала [18. С. 38].

Точно так же в социологических моделях XX в. смешиваются фактические наблюдения и желаемый идеал гармоничной интеграции всех элементов нации. Идеал также предстает в качестве уже существующей реальности. Вся разница в том, что в тех теориях происходила идеализация будущего, а тут идеализируется настоящее, здесь и теперь существующий национально-государственный порядок.

В развитых общественных системах частные и публичные отношения можно разграничить по признаку той автономии, которую государство определяет для своих граждан. Сфера отношений, отданных государством под господство граждан и исключаяющих вмешательство в них государства непосредственно, мы считаем отношениями частными. Это не означает, что государство самоустраняется от необходимого влияния на частные отношения, но оно не является

главным и определяющим. Например, в сфере религии государством провозглашена свобода вероисповедания. Однако государство ведет борьбу с тоталитарными и деструктивными сектами как исключительно вредным явлением для всего общества.

Однако там, где государство говорит своим гражданам, что отдает на их усмотрение и решение те или иные области общественных отношений, мы наблюдаем господство отношений частных. Это отношения политической самостоятельности партий и иных объединений, морали, свободы мысли, значительная часть экономических отношений, образования, науки, культуры, спорта и т.д. [9. С. 48-49].

Есть достаточно оснований считать, что отношения в области образования, науки, культуры, прав человека, медицины, искусства также являются базисными, поскольку они служат основой создания современного гражданского общества России и ее интеграции в мировое сообщество с учетом всей специфики присущих только России особенностей.

Некоторая ограниченность теории Маркса о базисе и надстройке видится в том, что экономика государства нужна людям, а не для деления общества на классы. Экономика для человека, а не человек для экономики, и поэтому любое государство строит экономику и экономические отношения как конкретное целеполагание. Экономика в ее современной ипостаси необходима для предотвращения голода, безработицы, удовлетворения социальных нужд, безопасности, защиты жизни и имущества граждан, обороны, для возможности свободного творческого труда и развития личности.

Примечания:

(1) Заметим, что и на Мировом политическом форуме в Ярославле этому вопросу было уделено внимание. Но в выступлении министра связи и массовых коммуникаций РФ прозвучал тезис все же об отставании государственного сектора в инновациях на основе информационных технологий.

Литература:

1. Алексеев С.С. Линия права. М., 2006.
2. Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. М., 2011.
3. Афанасьев В.Г. Мир живого. Системность, эволюция и управление. М., 2010.
4. Грамши А. Тюремные тетради. М., 1999.

5. Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России / Дисс... докт. юрид. наук. М., 2009.
6. Грудцына Л.Ю. Идея гражданского общества в творчестве М.М. Сперанского // Образование и право. 2011. № 3(19).
7. Грудцына Л.Ю. Конституционно-правовые основы формирования государством институтов гражданского общества в России // Образование и право. 2010. № 7.
8. Грудцына Л.Ю. Свобода и гражданское общество // Образование и право. 2011. № 1(17).
9. Иванов В.И. Частные отношения: постановка вопроса // Образование и право. № 5(21).
10. Клаус Г. Кибернетика и общество. М., 1967.
11. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М., 2011.
12. Козн Джин Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1953.
14. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000.
15. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
16. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.
17. Тихомиров Ю.А. Публичное и частное право / Общая теория государства и права. М., 2009.
18. Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 1.
19. Энгельгардт В.А. Интегратизм – путь от простого к сложному в познании явлений жизни // Вопросы философии. 1970. № 11.
20. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 2009.

DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY AS A FORM OF CONVERGENCE OF PRIVATE AND PUBLIC LAW

The existence and development of civil society is impossible without a complex system of public relations, and participation (direct or indirect) of a state, in particular, by means of creating and application norms of private and public law. Many public law norms and functions of public law as a whole primarily protect private interests. On the other hand, any rule of law establishing private-law grounds for any public relations in essence and by nature is public at least because first it is authorized by the state and becomes part of the national legislation, second it can't contradict and threaten the state system itself and the nature of public administration.

Ludmila Yu. Grudcyna, Doctor of Science (Law), Full Professor, Professor, Department of Civil Law, Finance University under the Government of the RF, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Attorney of Russia

Alexander A. Galushkin, Candidate of Science (Law), Associate Professor (internationally certified), Department of Judiciary, Law Enforcement and Human Rights Activity, Peoples' Friendship University of Russia, Research Fellow of the Psychological and Pedagogical University of Moscow.

Ключевые слова:

гражданское общество, частное право, публичное право, государство, частный интерес, экономика, общество, управление.

Keywords:

civil society, private law, public law, state, private interest, economy, society, management.

References:

1. Alekseev S.S. Liniya prava [Line of Law]. М., 2006.
2. Andrianov N.V. Grazhdanskoe obshchestvo kak sreda institucionalizacii advokatury. [Civil Society as an Environment of the Institutionalization of the Legal Profession]. М., 2011.
3. Afanas'ev V.G. Mir zhivogo. Sistemnost', e'voluciya i upravlenie [World of Alive. Systemacy, Evolution and Management]. М., 2010.
4. Gramshi A. Tyuremnye tetradi [Prison Writing-Books]. М., 1999.
5. Grudcyna L.Yu. Gosudarstvenno-pravovoj mexanizm formirovaniya i podderzhki institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossii [State Legal Mechanism of Developing and Supporting the Civil Society Institutes in Russia] / Diss... dokt. yurid. nauk. М., 2009.

6. Grudcyna L.Yu. Ideya grazhdanskogo obshhestva v tvorchestve M.M. Speranskogo [Idea of Civil Society in the works by M. M. Speransky's] // *Obrazovanie i pravo* [Education and Law] 2011. № 3(19).
7. Grudcyna L.Yu. Konstitucionno-pravovye osnovy formirovaniya gosudarstvom institutov grazhdanskogo obshhestva v Rossii [Constitutional and Legal Grounds for Formation by the State of the Civil Society Institutes in Russia] // *Obrazovanie i pravo* [Education and Law]. 2010. № 7.
8. Grudcyna L.Yu. Svoboda i grazhdanskoe obshhestvo [Freedom and Civil Society] // *Obrazovanie i pravo* [Education and Law]. 2011. № 1(17).
9. Ivanov V.I. Chastnye otnosheniya: postanovka voprosa [Private Relations: Statement of a Question] // *Obrazovanie i pravo* [Education and Law]. № 5(21).
10. Klaus G. Kibernetika i obshhestvo [Cybernetics and Society]. M., 1967.
11. Korshunov N.M. Konvergenciya chastnogo i publichnogo prava: problemy teorii i praktiki [Convergence of Private and Public Law: Theoretical and Practical Issues]. M., 2011.
12. Koe'n Dzhin L., Arato E'. Grazhdanskoe obshhestvo i politicheskaya teoriya [Civil Society and Political Theory]. M., 2003.
13. Marks K., E'ngel's F. Izbrannye pis'ma [Selected Letters]. M., 1953.
14. Novgorodcev P. I. Kant i Gegel' v ix ucheniyax o prave i gosudarstve [Kant and Hegel in Their Doctrines About the Law and the State]. SPb., 2000.
15. Parsons T. Sistema sovremennykh obshhestv [System of Modern Societies]. M., 1998.
16. Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. [Major Issues of Civil Law]. M., 1998.
17. Tixomirov Yu.A. Publichnoe i chastnoe pravo [Public and Private Law] / *Obshhaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. M., 2009.
18. E'lias N. O processe civilizacii [On Civilization Process]. T. 1.
19. E'ngel'gardt V.A. Integratizm – put' ot prostogo k slozhnomu v poznanii yavlenij zhizni [Integratism – a Way From Simple to Complex in Knowledge of the Phenomena of Life] // *Voprosy filosofii* [Philosophy Questions]. 1970. № 11.
20. E'shbi U.R. Vvedenie v kibernetiku: [Introduction to Cybernetics]. M., 2009.